

0- 794521

На правах рукописи

ГОРЕЛОВА Ольга Владимировна

**ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Хабаровск – 2012

Работа выполнена на кафедре русского языка
ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный
гуманитарный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Городилова Людмила Михайловна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Королева Инна Александровна
ФГБОУ ВПО «Смоленский
государственный университет»
(г. Смоленск)

кандидат филологических наук, доцент
Рублева Ольга Львовна
ФГАОУ ВПО «Дальневосточный
федеральный университет» (г. Владивосток)

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный
университет» (г. Красноярск)

Защита состоится 16 марта 2012 г. в 10 час. на заседании
диссертационного совета ДМ 212.056.04 при Дальневосточном
государственном университете по адресу: 690600, г. Владивосток,
ул. Алеутская, 56, ауд. 422.

С диссертацией можно ознакомиться в Институте научной информации –
фундаментальной библиотеке Дальневосточного федерального университета
по адресу: г. Владивосток, ул. Алеутская, 65-6.

Автореферат разослан «15» февраля 2012 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000793105

Ученый секретарь
диссертационного совета

Е. А. Перушина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

При ретроспективном изучении русского языка отдается предпочтение письменным текстам. Памятники письменности прошлых эпох, без сомнения, служат надежным источником знаний об истории языка, но анализ отраженных в них языковых явлений должен опираться на принципы, связанные с лингвистическим подходом к разным типам источников, который отражен в работах А. П. Жуковской (1969), С. С. Волкова (1972), А. П. Пронштейна (1976), А. В. Десницкой (1983), В. Я. Дерягина (1987), О. М. Медушевской (1988), А. П. Майорова (1987), А. А. Алексеева (1988), Е. Н. Борисовой (1987), В. В. Иванова (1992), Л. Г. Панина (1995), В. И. Хитровой (1995), И. А. Малышевой (1997), Л. П. Рупосовой (1998), И. А. Шушариной (1999), Л. Ф. Копосова (1991, 2000), М. С. Выхрыстюк (2009) и др. Самостоятельность лингвистического источниковедения как научной дисциплины не вызывает сомнения, однако разработанная методика и классификация относятся к памятникам старорусского периода, тогда как уже назрела необходимость разработки методики исследования памятников более позднего времени, т. к. все большее количество источников XIX в. привлекается к исследованию.

В Государственном архиве Хабаровского края имеются рукописные фонды середины XIX в., которые в полной мере не востребованы. Интерес представляют метрические книги (далее – МК) православных церквей Дальнего Востока, которые сегодня являются не только первичным генеалогическим источником, но и наиболее достоверным по отношению ко всей массе родословных материалов. Помимо того что МК имеют гражданско-правовое значение, они служат важным статистическим материалом, который, прежде всего, интересует историков с точки зрения генеалогических и демографических исследований. Кроме того, МК дают богатый материал и для лингвистических исследований, но чаще привлекаются учеными как дополнительный источник в ономастических и лексикографических работах (И. А. Королева, М. С. Выхрыстюк и др.). В качестве самостоятельного источника МК попали в поле зрения лингвистов не так давно. Описанием МК с точки зрения их жанровых особенностей на материале тюменских и челябинских документов занимаются А. Е. Белькова (2009) и Н. В. Стагина (2010). Изучение МК Дальнего Востока второй половины XIX в., во-первых, дополняет сведения о деловом языке данного периода, во-вторых, позволяет дать более полное представление о данном типе источника с точки зрения не только жанровой характеристики, но и лингвистического содержания.

В русистике последних лет активен интерес к изучению языка региональных памятников деловой письменности XVII–XVIII вв. Материалы XIX в. только начинают вводить в научный оборот, поэтому интересно проследить лингвистическую содержательность (в частности особенности ономастической и апеллятивной лексики) дальневосточных МК как

регионального памятника письменности завершающего этапа становления литературного языка, а также необходимо разработать методику анализа данных памятников. Региональная лексика и антропонимия на материале памятников официально-деловой письменности разной жанровой отнесенности представлена в работах А. А. Алексеева (1981), Е. Н. Баклановой (1971), Н. А. Баскакова (1993), О. В. Бараковой (1999), Т. В. Бахваловой (1976), А. А. Белецкого (1972), И. В. Бестужева-Лады (1970), В. И. Болотова (1979), Е. Н. Борисовой (1999), И. М. Ганжиной (2001), Е. Л. Гвоздевой (1992), Н. В. Данилиной (1987), С. И. Зинина (1994), И. А. Королевой (1993–2000), А. Н. Мирославской (1971), В. А. Никонова (1967–1993), В. В. Палагиной (1972), Л. Г. Панина (1985), Н. Н. Парфеновой (1999), Н. В. Подольской (1989), Е. Н. Поляковой (1997), С. Н. Смольникова (2005), А. В. Суперанской (1969–1998), Б. О. Унбегауна (1995), Ю. И. Чайкиной (1995), Л. М. Щетинина (1996), Т. М. Юдиной (1995) и др. Обширный дальневосточный материал учеными не изучен, что является определенным пробелом с точки зрения представления об общем развитии антропонимии на территории России во второй половине XIX в.

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью расширения источниковедческой базы изучения языка деловой письменности, а также отсутствием исследований, посвященных анализу МК в лингвистическом аспекте на основе архивных данных Дальнего Востока второй половины XIX в.; необходимостью изучения и описания малоизученного жанра деловой письменности, выявления дополнительных сведений о развитии лексического состава языка во второй половине XIX в.

Объектом настоящего исследования являются рукописные памятники второй половины XIX в., хранящиеся в фондах Государственного архива Хабаровского края. В работе рассмотрены МК 16 соборов, церквей, часовен и миссий Дальнего Востока. Данные памятники деловой письменности не публиковались и в качестве самостоятельного лингвистического источника рассматриваются впервые.

Предметом исследования является жанровая структура, состав, лингвистическая содержательность и информационность региональных документов; антропонимическая и апеллиативная лексика, представленная в дальневосточных МК второй половины XIX в.

Цель работы – описать в лингвистическом аспекте новый тип регионального лингвистического источника периферийной зоны Российского государства позднего периода (вторая половина XIX в.), исследовать зависимость между жанром документа и лингвистической содержательностью, определить возможность использования дальневосточных МК в изучении развития русской антропонимической системы второй половины XIX в. и также раскрыть лингвистический потенциал МК.

Достижению поставленной цели способствовало решение следующих задач:

- выполнить археографический анализ МК;
- определить жанрообразующие признаки МК;
- охарактеризовать виды и типы МК;
- определить особенности структуры, формуляра, типов обязательных формул;
- исследовать зависимость структуры МК от территориальной принадлежности;
- раскрыть лингвистическую содержательность и информационность дальневосточных МК второй половины XIX в.;
- определить словарный состав МК;
- описать ономастическую лексику по данным МК;
- установить лексический состав отдельных тематических групп апеллятивной лексики по данным МК.

Материалом исследования послужили рукописные МК Дальнего Востока, хранящиеся в фонде Государственного архива Хабаровского края (И-85. фонд 44). Эмпирическую базу исследования составили 29 рукописных источников общим объемом 3966 листов. Результатом обработки стала картотека, насчитывающая 4300 контекстов, отражающих разные виды антропонимических моделей, а также апеллятивную лексику.

Методы исследования. В работе использованы следующие методы и приемы анализа лингвистического материала: *описательный* (при описании основных групп и характеристик антропонимов, антропонимических формул именования, фонетических особенностей ономастической лексики Дальнего Востока), *структурный* (формантный) (при анализе словообразовательной структуры функционирующих антропонимов, выявивший особенности формирования современной структуры антропонима), *инвентаризации* (при классификации антропонимов и антропонимических формул именования), элементарный *статистический* (при необходимости показать тенденции и динамику развития антропонимических процессов, когда количественные показатели отражают качественные изменения в антропонимиконе). При работе с рукописным материалом использовался метод *сплошной выборки*, а при описании отдельных лексических единиц применялся *этимологический анализ*.

Научная новизна работы определяется введением в научный оборот нового типа лингвистического источника – МК локальной приуроченности, доказательством возможности применения приемов исследования старорусских памятников к памятникам нового времени, а также использованием МК для решения различных лингвистических проблем, прежде всего ономастических. Новизну представляет и описание значительного массива текстов (неопубликованных памятников письменности), структура, состав, лексические особенности которых ранее в лингвистических работах не рассматривались. Изучение же лексического состава русского языка, источниками которого являются печатные и

рукописные памятники, требует расширения исследовательской базы. В качестве лингвистического источника МК используются крайне редко, а дальневосточные материалы к лингвистическому анализу вообще не привлекались. В ходе исследования выявлена и проанализирована антропонимическая лексика Дальнего Востока, определен локальный характер развития антропонимикона на завершающем этапе формирования национального русского языка.

Теоретическая значимость работы состоит в доказательстве возможности применения лингвистикоисторических методик (приемов), предложенных С. И. Котковым, к анализу памятников нового времени, а также в описании типологии дальневосточных МК второй половины XIX в., определении жанровой специфики документа как особого вида деловой письменности на завершающем этапе формирования русского национального языка. Теоретически значимы выявленные особенности развития и становления региональной антропонимики во второй половине XIX в., а также функционирования отдельных тематических групп апеллятивной лексики. Таким образом, полученные в ходе исследования результаты имеют существенное значение для развития истории деловой письменности (в том числе и региональной), истории литературного языка, исторической лексикологии и ономастики.

Практическая значимость работы. Описанные в исследовании приемы работы с МК второй половины XIX в. могут быть использованы при работе с аналогичными памятниками других территорий или с памятниками того же периода иной жанровой принадлежности. Полученные результаты исследования могут использоваться в высших учебных заведениях в преподавании ряда лингвистических дисциплин (современная и историческая лексикология, история русского литературного языка, ономастика, региономастика, лингвистическое источниковедение), при написании курсовых и дипломных работ, в спецкурсах и спецсеминарах. Материалы исследования могут найти отражение в работах по истории русского литературного языка, ономастике, при составлении антропонимических региональных словарей.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в виде докладов на научных конференциях: Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию диалектологической работы в Арзамасском государственном институте (Арзамас, 2005), региональной конференции, посвященной 70-летию ЧГПУ (Челябинск, 2005), VII Краевом конкурсе молодых ученых и аспирантов (Хабаровск, 2005), VIII Краевом конкурсе молодых ученых и аспирантов (Хабаровск, 2006), II Всероссийской заочной научно-практической конференции «Русский язык в современном мире» (Биробиджан, 2011), на научных преподавательских конференциях ДВГГУ (Хабаровск, 2003–2011), а также обсуждались на кафедре русского языка Дальневосточного государственного гуманитарного университета (Хабаровск, 2003–2011).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Дальневосточные МК второй половины XIX в. с позиций структурного и формулярного анализа являются самостоятельным документом, завершенным с точки зрения жанровых характеристик.

2. Жанровое своеобразие дальневосточных МК обусловлено их структурой и лексическим составом.

3. Оформление формуляра метрических записей показывает, что документы создавались с опорой на требования центрального делопроизводства, однако вариативность формул в составе закрепленного формуляра свидетельствует о незавершенности формирования данного жанра деловой письменности на территории Российского государства, что является особенностью регионального делопроизводства.

4. Лингвоисточниковедческий анализ дальневосточных МК позволяет выявить зависимость лексического состава памятника от его жанровой характеристики. МК являются ценным источником для изучения как развития региональной антропонимики, так и становления общерусской нормы именования.

5. Антропонимический материал дальневосточных МК второй половины XIX в. (личное имя, отчество, фамилия) показывает, что антропонимическая система находится на завершающем этапе становления. Трехчленная формула именования, обусловленная жанровой характеристикой документа, не является единственным вариантом официального именования лица во второй половине XIX в. на территории Дальнего Востока.

6. Лингвоисточниковедческий анализ МК показал, что документ является источником изучения отдельных групп апеллятивной лексики второй половины XIX в.

7. Представляется нецелесообразным использовать МК в качестве источника для изучения морфологических, синтаксических проблем в силу особенностей документа как жанра деловой письменности, т. к. МК имеют устойчивое структурное построение и содержат формулы единообразной морфологической и синтаксической характеристики.

Цель и задачи исследования определили объем и структуру диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка, включающего 263 наименования, пяти приложений: «Список рукописных источников», «Список личных имен и их вариантов», «Список фамилий», «Образцы рукописных текстов», «Образцы рукописных листов из метрических книг».

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяется объект, предмет исследования, обосновывается актуальность и научная новизна, формулируется цель и основные задачи, перечисляются методы исследования, выявляется

теоретическая и практическая значимость работы, приводятся положения, выносимые на защиту, определяется структура диссертационного исследования.

В первой главе «Лингвистическое источниковедение как научное направление в языкознании» рассматриваются основные теоретические положения лингвистического источниковедения как особого направления в историческом языкознании.

В разделе 1.1 «К вопросу о становлении лингвистического источниковедения» рассмотрены основные термины, составляющие предмет данной дисциплины.

1. Памятники письменности прошлых эпох служат надежным источником знаний об истории языка, но анализ отраженных в них языковых явлений должен опираться на принципы, разработанные в рамках лингвистического источниковедения.

2. Развитие лингвистического источниковедения как научной дисциплины в связи с пониманием необходимости изучения памятника письменности, предваряющего анализ языковых фактов, началось в 60–80-е годы XX в. и связано с именем С. И. Коткова. С. И. Котков подчеркивал, что разработка источника важна не только для исторических дисциплин, но и для лингвистических дисциплин, т. к. недостаточно лишь усовершенствовать методику работы с письменными источниками с целью введения в научный оборот новых документов. Объективность же исследования зависит от характера источников и степени их изученности.

3. Под *лингвистическим источником* мы понимаем непосредственное или опосредованное закрепление языкового материала в виде слов или элементов, обладающих определенным внутренним единством.

4. *Предмет* лингвистического источниковедения – соотношение терминов лингвистической содержательности и лингвистической информативности.

5. *Лингвистическая содержательность* – это совокупность заключенных в источнике лингвистических данных, определяемая его содержанием и отношением данного источника к определенному лингвистическому образованию. *Лингвистическая информативность* – определяемая условиями образования источника степень прямой и косвенной в нем отраженности лингвистической содержательности, которая имеет отношение к внешним средствам выражения языка и внешним условиям его существования. В связи с этим изучение истории языка по памятникам письменности предполагает ясное представление историка языка о том, с каким письменным источником он имеет дело.

6. Вслед за А. А. Алексеевым мы выделяем основные задачи изучения источника в лингвоисторическом плане: 1) путем исследования текстов, служивших языковыми образцами, описать языковую норму в ее исторически конкретных формах в каждый момент существования письменности; 2) установить историю изменений всякого исследуемого текста с момента его создания на фоне исторически меняющейся языковой нормы.

7. Методология источниковедческого анализа разрабатывалась учеными-историками: Я. С. Лурье, А. П. Пронштейном, О. М. Медушевской и др., которые подчеркивали мысль о том, что достоверность фактов вытекает из общей характеристики источника, которая должна строиться из данных, относящихся к самому источнику (его структуре, истории текста), а также из отдельных наблюдений над источником.

8. *Метод лингвистического источниковедения* состоит в изучении лингвистической содержательности в соответствии с иерархией ее обусловленности содержанием источника, в направлении от непосредственной ко все более опосредованной содержательности, а также в исследовании лингвистической информативности в ее многообразной обусловленности культурой запечатления языка.

9. В рамках лингвоисторического анализа определяется понятие и содержание *жанра* деловой письменности XIX в., т. е. памятники деловой письменности дают разные по объему сведения об истории языка. Важно учитывать соотношение лингвистической содержательности и лингвистической информативности в рамках каждого письменного источника независимо от жанровой принадлежности такового, т. е. то, какие факты может открыть изучение памятника в лингвистическом плане.

В разделе 1.2 «*Специфика лингвистического подхода к историческому источнику*» рассмотрены основные подходы к изучению памятников письменности с точки зрения лингвистического источниковедения (Д. С. Лихачев, В. Я. Дeryгин, С. Н. Смольников, И. А. Малышева, Л. М. Городилова, А. А. Алексеев). В основе каждого подхода лежит учет особенностей организации делопроизводства на определенной территории (Киевской и Московской Руси), т. е., по сути, лежат экстралингвистические факторы. Мы разделяем мнение исследователей относительно принципов и подходов к исследованию лингвистического источника. Поскольку для получения достоверных лингвистических данных необходимо тщательно подготовить источник и провести детальный лингвоисторический анализ, считаем целесообразным начинать изучение памятника письменности в следующей последовательности: 1) археографическое описание исследуемого памятника письменности, которое включает описание следующих признаков (внешний облик памятника письменности, объем источника, характеристика переплета, наименование рукописи, характеристика бумаги, на которой выполнены записи, особенности пагинации, форма ведения документа, характеристика рукописи как черновика, беловика или копии); 2) изучение особенностей создания памятника, а также особенностей делопроизводства, сферу которого представляет данный текст; 3) характеристика источника как отдельного жанра деловой письменности; 4) классификация рукописных источников; 5) анализ структуры и формуляра памятника деловой письменности; 6) определение лингвистической содержательности анализируемого памятника письменности; 7) описание лингвистических фактов, представленных в

изучаемом источнике. Методы исследования памятников XIV–XVIII вв. пригодны для анализа памятников нового времени. Представленные в лингвистическом источниковедении приемы работы с памятниками XIV–XVIII вв. можно использовать при работе с текстами XIX в., т. к. XIX в. относится к периоду завершения формирования национального языка, а старорусский период – к начальному этапу, поэтому специфика содержится в самом памятнике, а этапы работы остаются прежними.

Вторая глава «Типология дальневосточных метрических книг в лингвистическом аспекте» посвящена исследованию формальной организации дальневосточных метрических документов с позиции теории источниковедческого исследования.

В разделе 2.1 «Археографическое описание дальневосточных метрических книг» дается краткое археографическое описание памятника. МК соборов, церквей, часовен и приходов Дальневосточного региона представляют собой сборники нескольких сшитых тетрадей. Количество листов в тетрадях отличается от традиционного (8 листов): встречаются тетради по 10 и более листов. Все книги написаны на простой бумаге; скреп, какие имели более ранние делопроизводственные документы, МК не имеют. В книгах существуют только подписи людей, выполнявших делопроизводственные обязанности, и священников. Переплет у исследованных МК отсутствует. Впоследствии при реставрации в архиве был сделан картонный переплет. Первый лист тетрадей выполняет роль титульного. Пагинации в МК изначально не было. Дальневосточные МК по основным особенностям создания и ведения документов занимают промежуточное положение между черновыми и беловыми вариантами, т. к. записи в документе делались при регистрации определенного события (рождения/крещения, бракосочетания или смерти), поэтому мы можем отнести данные акты к рабочим книгам.

Во втором разделе 2.2 «Жанровая специфика дальневосточных метрических книг» определяется взаимосвязь внутреннего наполнения источника с его жанровой характеристикой. В п. 2.2.1 «Из истории формирования метрических книг» даются краткие сведения об истории формирования МК. В п. 2.2.3 «Характеристика метрических книг как жанра деловой письменности» МК характеризуются как жанр деловой письменности. Памятник деловой письменности представляет собою определенный тип речи, который известным образом организован, и высшей формой организации является жанр. Речевые средства, составляющие данный жанр, хотя и могут варьироваться, отличаются однородностью, что и обуславливает устойчивость структуры и семантики используемых языковых средств. МК, по нашему мнению, обладают высокой степенью модальности, т. к. в документе зафиксированы определенные события действительности: рождение (крещение), бракосочетание, смерть, т. е. с точки зрения модальности они могут быть противопоставлены другим жанрам деловой письменности XIX в. Кроме того, имеют самоназвание, которое является

важнейшим признаком жанра, а также уникальный формуляр, что доказывает жанровую обособленность данных документов.

В разделе 2.3 «Классификация дальневосточных метрических книг по составу» изучается состав данного письменного памятника. МК с точки зрения их социальной значимости нельзя отнести исключительно к частной деловой документации, хотя они и отражают отношения, во-первых, в определенных социальных группах, во-вторых, между членами семьи. МК принадлежат к *официально-деловым актам*, которые фиксировали отношения не только между частными лицами, но и между государством и отдельными лицами внутри общества. По содержательному принципу, функциональному отношению, следуя за С. И. Котковым, относим МК к *актовым документам*, т. к. основным назначением метрик была запись актов гражданского состояния. МК представляют датированные записи, причем датировка являлась основополагающим моментом ведения метрических записей. Большинство исследованных рукописей составляют *оригинальные документы*, копии с которых отправлялись в централизованные консистории: *PS Копія с сей Метрической книги за 1877 годъ имѣется и хранится в церковномъ архивѣ <...>* (8, л. 42 об.). По принципу документирования и хранения МК делим на *приходские* и *консисторские*. Консисторский экземпляр, включавший метрические тетради рождения, брака, смерти за один год по всем приходам одного уезда или города, достигал 1000–1200 листов. Приходский экземпляр имел иную структуру и включал регистрационный записи только одного прихода за несколько лет, в зависимости от численности прихода. *Книги* являлись основным регистрационным документом, в который вносились сведения о рождении, браке и смерти. В конце каждого месяца священники подводили итог с указанием основных статистических данных, например: *Итого в сентябрѣ месяцѣ бракъ былъ один /1/ бракъ, а лицъ два /2/ лица* (фонд И-85. 44. 1а, л. 22). Каждая книга, составляющая *общий том*, озаглавлена. В заголовке указано место, время создания тома, а также состав документа. Таким образом, большинство МК Хабаровского архива с точки зрения их содержания и внешней структуры можно отнести к книгам *общего типа*, в которых собраны записи о рождении, бракосочетании и смерти в хронологическом порядке разных приходов, церквей и миссий.

В разделе 2.4 «Структура и формуляр метрических статей» описываются особенности структуры и формуляра МК как самостоятельного документа, а также характеризуются метрические статьи. Книги являются четко регламентированным документом, отвечающим определенным правилам. В структуре дальневосточных МК выделяются три основные части: *заголовок* (общий заголовок книги и заголовок частей книги); *основная часть*, которая включает в себе содержание МК (в ней выделяется три раздела: о родившихся, о бракосочетавшихся, об умерших); *заключительная часть*. Анализ структуры показывает, что строение МК обусловлено стремлением церковнослужителей максимально точно заполнить предписанную форму, но

в результате отсутствия у многих авторов (писцов) четких навыков регистрационного делопроизводства формуляр метрических записей имеет вариативную структуру.

Важной структурно-семантической частью документа являются *заголовки*. Для *формулы заголовка МК* характерны следующие компоненты: название книги (жанровая характеристика), экклезионим (название церкви или прихода, а также в ряде случаев указание, откуда была выдана МК: *данная из ...*), ойконим (наименование населенного пункта, в котором находилась церковь), апеллятив, указывающий, кому была выдана книга (обычно используется существительное в форме единственного числа дательного падежа *причту*), наименование разделов книги (указание на то, с какой целью была выдана книга: *для записи, на записку*), дата (указание на год (реже годы), в течение которого (которых) производились записи), количество листов, составляющих книгу. Схематично формулу заголовка можно представить следующим образом: I [название книги] + II [экклезионим] + III [ойконим] + IV [кому] + V [экклезионим] + VI [цель] + VII [разделы книги] + VIII [год] + IX [количество страниц]. Количество компонентов в заголовках дальневосточных МК не было постоянным. Находим пять вариантов оформления заголовка книги.

1. I [название книги] + II [экклезионим] + III [год] + IV [количество страниц]: Например: I [*Метрическая книга*] + II [*Охотской церкви*] + III [*за 1867 год*] + IV [*на 13 листахъ*] (1); I [*Метрическая книга*] + II [*Хабаровской Иннокентьевской церкви*] + III [*за 1877 год*] + IV [*на 67 листах*] (4);

2. I [название книги] + II [экклезионим] + III [ойконим] + IV [год] + V [количество страниц]. Например: I [*Метрическая книга*] + II [*Хабаровской церкви св. Марии Магдалины*] + III [*г. Хабаровск*] + IV [*1870г*] + V [*на 30 листахъ*] (16);

3. I [название книги] + II [экклезионим] + III [ойконим] + IV [экклезионим] + V [год]. Например: I [*Метрическая книга*] + II [*Михайловской церкви*] + III [*(Приморской области)*] + IV [*Николаевского собора*] + V [*за 1877 годы*] (1а);

4. I [название книги] + II [экклезионим] + III [кому] + IV [экклезионим] + V [цель] + VI [разделы книги] + VII [год]. Например: I [*Метрическая книга*] + II [*Данная изъ Камчатской духовной консисторіи*] + III [*Причту*] + IV [*Хабаровской церкви*] + V [*на записку*] + VI [*родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ*] + VII [*На 1867 годъ*] (1а);

5. I [название книги] + II [экклезионим] + III [кому] + IV [экклезионим] + V [цель] + VI [разделы книги] + VII [год] + VIII [количество страниц]. Например: I [*Метрическая книга*] + II [*Данная изъ Камчатчккой Духовной консисторіи*] + III [*Причту*] + IV [*Средне-Уссурийской Николаевской церкви*] + V [*на записку*] + VI [*родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ*] + VII [*На 1877 г.*] + VIII [*на 98 л.*] (9).

Достаточно редко (относительно МК Дальнего Востока) формула заголовка могла содержать указание на лицо и должность человека, ведущего

записи или отвечающего за ведение МК: I [*Метрическая книга*] + II [*Данная из Камчатской Духовной Консистерии*] + III { [*Исправляющему должность Миссионера Гольдской Миссии*] + [*Священнику Александру Протодиаконову*] } + IV [*на записку родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ*] + V [*На 1867 годъ*] (2, л. 146).

Формула заголовка частей книги была краткой и традиционно состояла из следующих компонентов: I [название книги] + II [год] + III [номер части] + IV [название части]. Например: I [*Метрической книги*] + II [*на 1878 годъ*] + III [*часть первая*] + IV [*о родившихся*] (4, л. 3); I [*Метрической книги*] + II [*за 1867 г.*] + III [*часть вторая*] + IV [*о бракосочетавшихся*] (1, л. 13). Также заголовки частей книги могли иметь усеченную формулу: I [номер части] + II [название части]. Например: I [*часть первая*] + II [*и родившихся*], I [*часть вторая*] + II [*и бракосочетавшихся*], [*часть третья*] + [*и умершихъ*] (7).

Заключительная часть также была озаглавлена: I [название части] + II [эклезионим] + III [разделы книги] + IV [год]. Например: I [*Вѣдомость*] + II [*Усть-Усуйской Петро-Иннокентьевской церкви*] + III [*о родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ*] + IV [*за 1867 годъ*] (1, л. 76 об. – 77). Или I [название части] + II [название книги] + III [эклезионим] + IV [год]. Например: I [*Экстрактъ*] + II [*Къ метрической книгѣ*] + III [*Хабаровской св. Маріи Магдалины церкви*] + IV [*за 1867 годъ*] (1, л. 29 об. – 32).

Первый раздел основной части дальневосточных МК «О родившихся» фиксирует родившихся и крещенных в определенный период. Первый тип статьи о родившихся включает в себя семь основных информационных полей и четырех дополнительных, которые были разделены на графы и оформлялись в виде таблиц. Многокомпонентная модель записи родившихся и крещенных репрезентована в составе четырех предложений, состоящих из нескольких апеллятивных, топонимических и антропонимных номинаций. Такое структурное оформление части о родившихся последовательно повторяется во всех исследованных документах и является стандартным для всех метрических записей:

I [№ записи: отдельно для мужского и женского пола] + II [дата рождения и крещения младенца] + III { 1 [имя родившегося и/или крещенного] + 2 [указание на законность рождения] + 3 [отметка для близнецов] } + IV { 1 [социальная характеристика лица: сословие, профессия, военный чин] + 2 [указание на место жительства: топоним (хороним, ойконим) или катойконим + географический термин *деревня, селение, станица, пост, улус, слобода, наслег, округ, волость, область*] + 3 [антропонимическая формула именованя отца] + 4 [антропонимическая формула именованя матери с указанием на законность брака] + 5 [местоимение *оба* + указание на вероисповедание] } + V { 1 [социальная характеристика приемников] + 2 [указание на место жительства приемников] + 3 [антропонимная формула именованя мужчины] + 4 [антропонимическая формула именованя женщины] } + VI { 1 [эклезионим + имя священнослужителей, совершивших таинство крещения] + 2 [подпись

церковнослужителя, сделавшего регистрационную запись } }, например: I [23] + II [октября 11 / 18] + III [Параскева] + IV { 1 [Козак тогоже баталіона] + 2 [Станицы Нижне-Спасской] + 3 [Капитонъ Павловъ Ушаковъ] + 4 [и законная жена его Феодосія] + 5 [оба православнога вѣроисповеданія] } + V { 1 [Козак] + 2 [станцы Нижнеспасской] + 3 [Иванъ Алексіевъ Бурковъ] + 4 [и дочь козака тойже станицы Василья Ушакова дѣвица Марія Васильева] } + VI { 1 [Священникъ Павелъ Громовъ съ И. Д. Псаломщика Петромъ Павлиновымъ] + 2 [Священникъ Павелъ Громовъ И. Д. Псаломщика Петръ Павлиновъ] } (16, л. 17 об.).

Информация о законности рождения, обстоятельствах рождения или крещения могла даваться в составе III или IV компонента: I [3] + II [Февраля 13 / 24] + III [Иванъ] + IV { 1 [У крестьянской жены] + 2 [Селения Воронежскаго] + 3 [Вассы Незаконнорожденной, а по мужъ Плотниковой] + 4 [незаконнорожденный] } + V <...> (16, 2 об.); <...> II [1 года и 7 дней] + III [Софія] + IV { 1 [Взятая на воспитаніе отъ купели крестьяниномъ] + 2 [читинского округа] + 3 [Станиславомъ Карловымъ Гессе] + 4 [незаконнорожденная отъ поселки еврейки Фейли-Гольда] } <...> (4, л. 21 об.).

Вариативными могли быть IV и V формулы. Особенности вариантов связаны с принципами номинации лица: наличие или отсутствие антропонимических конкретизаторов, особенности формулы именованія (двучленная или трехчленная), состав андронимов и т. д. Так, указание на место жительства в метрических записях первой части могло выражаться имплицитно в названии места службы или работы: <...> Служитель Хабаровскаго Провиантскаго магазина <...> (16, 3 об.). Кроме того, для характеристики лиц по месту жительства дополнительно употребляется апеллатив *поселенец* или *поселка*. Топонимическое указание могло отсутствовать: <...> Отставной рядовой Андрей Григорьевъ Шипнягов <...> (16, л. 3 об.).

В части первой наблюдаем вариативность оформления V компонента в записях о вероисповедании родителей. В книгах находим следующие варианты: *вероисповедания/исповедания/православные*. Незначительно количество записей, в которых компонент, указывающий на вероисповедание, отсутствует. Необходимо отметить, что подобные варианты записи встречались в пределах одной-двух страниц, что подчеркивает свободный, незакрепленный, порядок данных записей, т. е. церковнослужитель мог пользоваться разными лексическими единицами. Кроме того, VI компонент формулы о родившихся мог дополняться указанием на название церкви, где служит священник: <...> VI { 1 [Священникъ Охотской церкви] + 2 [Александръ Осиповъ съ Дьячкомъ Гаврииломъ Верещагинымъ] } <...> (1, л. 1). В VI компоненте могла отсутствовать подпись священника, например: <...> VI { 1 [Благочинный Средне-Амурскихъ церквей Протоіерей Гавриіль Вениаминовъ] <...> } (1, л. 9).

Второй раздел основной части дальневосточных МК «О бракосочетавшихся» фиксирует бракосочетания за определенный период.

Второй тип статьи о бракосочетавшихся состоит из девяти информационных полей, которые также были разделены на графы и оформлялись в виде таблиц. Многокомпонентная модель записи бракосочетавшихся в дальневосточных МК репрезентована в составе четырех предложений, состоящих из нескольких апеллятивных, топонимических и антропонимических номинаций. Такое структурное оформление части «О бракосочетавшихся» последовательно повторяется во всех изученных документах МК второй половины XIX в.: I [№/количество браков по порядку] + II [дата совершения бракосочетания] + III { 1 [указание на место жительства жениха: топоним (ойконим, хороним)] + 2 [социальная характеристика лица (жениха): сословие, профессия, военный чин/нация (обозначались коренные жители Дальнего Востока)] + 3 [антропонимическая формула именованя жениха] + 4 [указание на вероисповедание] + 5 [указание на очередность брака] + 6 [возраст жениха] } + IV { 1 [антропонимическая модель именованя женщины (невесты)] + 2 [указание на вероисповедание] + 3 [указание на очередность брака] + 4 [возраст невесты] } + V [имена священнослужителей, совершивших таинство брака] + VI { 1 [указание на место жительства свидетеля (топонимическая характеристика)] + 2 [социальная характеристика лица (свидетеля): сословие, профессия, военный чин или звание] + 3 [антропонимическая формула именованя свидетеля] } + VII [подпись священнослужителя, сделавшего регистрационную запись]. Например, I [1] + II [февраль 19] + III { 1 [Охотской команды] + 2 [казакъ] + 3 [Иванъ Дмитріевъ Кандаковъ] + 4 [прав. испов.] + 5 [1 бракомъ] + 6 [24] } + IV { 1 [Той же команды урядника Василя Кудьярова дочь дѣвица Агрипина] + 2 [прав. испов.] + 3 [1 бракомъ] + 4 [19] } + V [Помощникъ благочиннаго Священникъ Александръ Осиповъ съ Дьячкомъ Гавриломъ Верещагинымъ] + VI [/ 1 [Россійско-Американской Кампаніи Начальникъ Телеграфа Подъполковникъ] + 2 [Сергей Абаона] / + / 1 [И Капитанъ] + 2 [Яковъ Васильевъ Мейгутъ] /] + VII [Дьячекъ Гавриль Верещагинъ] (1, л. 6 об. – л. 7).

I и II формулы последовательно повторяются и заполняются церковнослужителями. III формула, содержащая информацию о женихе, имеет позиционные и лексические варианты. Во-первых, лексические компоненты, указывающие на место жительства и социальную характеристику, не имеют позиционной закреплённости в составе III формулы: <...> Женихъ урядникъ усурійскаго пѣшаго козачьего баталіона станицы Корсаковой Иванъ Кузминъ Носыревъ Православнаго исповѣданія вторымъ бракомъ <...> (1а, л. 63 об.). Кроме того, социальная и топонимическая характеристика лица (как жениха, так и невесты) в III и IV формулах могла даваться посредством указания на главу рода, а не на ближайшего родственника (например, отца). В связи с этим вводятся лексемы *родович* и *родница*. В составе III и IV формул находим лексемы *женихъ* и *невеста*, дополнительно указывающие на статус лиц. Вариативность III и IV формул многокомпонентной модели заключалась также в том, что

компоненты, указывающие на вероисповедание и очередность брака, не имели четкой позиционной закреплённости – могли быть переставлены местами или отсутствовать: <...> *Тогожь роду Старосты Софрона Шумилова родовичъ Федоръ Громовъ вторымъ бракомъ православный* <...> (1, л. 7 об.). В записях о бракосочетавшихся Метрической книги Хабаровской церкви Святой Марии Магдалины (1–85, 44, 16) в IV формуле, характеризующей невесту, компонент об очередности брака отсутствует во всех случаях. Можем предположить, что данная номинация выражена имплицитно в лексеме *девица*, употреблявшейся в качестве дополнительной характеристики лица. V формула части «О бракосочетавшихся» могла быть осложнена экклезионимом (указанием на церковь (церкви), в которой служил священник), а также в записи церковнослужителей могли употребляться существительные в именительном падеже или творительном падеже с предлогом *с*: <...> *Помощникъ Охотскихъ Церквей Свящ. Александръ Осиповъ съ Дьячкомъ Гагриломъ Верецагинымъ* <...> (1, л. 6 об. – л. 7). Для записи свидетелей бракосочетания не существовало единой формулы. В целом VI формула состояла из нескольких (от 1 до 4) номинаций лиц только мужского пола. С точки зрения графического оформления интересно отметить, что VI формула подписи священников и служителей церкви могла растягиваться на две регистрационные записи о бракосочетаниях: *Дьячокъ Гагриль* <...> / <...> *Федоровъ Верецагинъ* (1, л. 8 об.).

Третий раздел основной части «О умерших» фиксирует факты смерти за определенный период. Третий тип статьи об умерших состоит из семи основных информационных полей и шести дополнительных, которые также были разделены на графы и оформлялись в виде таблиц. Многокомпонентная модель записи умерших репрезентована в составе одного предложения, состоящего из нескольких аппеллятивных и антропонимических номинаций. Такое структурное оформление части «О умерших» последовательно повторяется во всех изученных документах: I [№ умершего по порядку (отдельно для мужчин и женщин)] + II [дата смерти и погребения] + III {1 [указание на место жительства умершего: топоним (ойконим, хороним)] + 2 [социальная характеристика лица: сословие, профессия, военный чин/ нация (обозначались коренные жители Дальнего Востока)] + 3 [антропонимическая формула именованья мужчины или женщины] + 4 [возраст умершего] } + IV [причина смерти] + V [напутствован или нет + кем (имя священника)] + VI [место погребения] + VII [подпись церковнослужителя]. Например: I {18} + II [Октябрь 21 / 25] + III {1 [Охотской церкви] + 2 [Священникъ] + 3 [Александръ Осиповъ] + 4 [44]} + IV [скорбуктусом] + V [По дальнему сообщению не напутствованъ] + VI [При Охотской церкви] (1, л. 12 об.–13).

Состав I и II формул был устойчивым и выражался в числовом значении, вариативность III формулы определялась количественным составом единиц и особенностями антропонимической номинации лица. IV формула, сообщающая о причине смерти (выраженная существительным в родительном падеже с предлогом *от*), дает достаточно разнообразный набор

лексических единиц, среди которых были и официальные названия болезней. V формула, содержащая пометы о напутствии перед смертью, многокомпонентной модели о умерших заполнялась непоследовательно. Чаще она содержала подписи-скрепы священников, реже – фактическую запись о напутствии: <...> *был в отлучке по благочинию* <...> (6, л. 125). В VI формуле многокомпонентной модели о месте погребения встречаются лексемы (чаще всего существительные в предложном падеже с предлогом *в* или *при*, употреблявшиеся как синонимичные: *при охотском кладбищѣ* или *въ охотскомъ кладбищеѣ* (1, л. 13 об.), которые условно можно поделить на две номинации: четко называющие место погребения и дающие обобщенную характеристику. Номинации, явно определяющие место погребения, – это обычно *кладбища при церкви, часовне, например: на охотском кладбище, в метинской часовне, в охотской часовне, при охотской церкви, на общем хабаровском кладбище*. Номинации, дающие обобщенную характеристику места погребения, могли быть следующими: *в лесах, в ближайшем лесу, в горах, в селении, по разным местам, на общем кладбище при станицах, на приходском кладбище*.

Заключительная ведомость статистического учета основных регистрационных моментов как итоговая заключительная часть выступает в четком структурированном виде и является особенностью формуляра данного регистрационного документа. В названии данной части могли употребляться лексемы *ведомость* или *экстракт*. Заключительная часть состояла из восьми основных и двенадцати дополнительных информационных полей. Основной целью заполнения заключительного документа была количественная (статистическая) характеристика основных видов регистрации отдельно для мужского и женского пола за один год. Сословного деления не проводилось. В первой графе перечислялись основные звания (сословия) людей, зарегистрированных в прошедшем году для всех частей МК в целом. Традиционно заканчивалась ведомость подписями церковнослужителей, которые занимались ведением книг. Данная заключительная часть книг второй половины XIX в. является устойчивой и фактически не имеет никаких вариантов и особенностей ведения.

Третья глава «Дальневосточные метрические книги как источник изучения антропонимической лексики» посвящена анализу антропонимической лексики, составляющей основу лексического наполнения памятника.

В разделе 3.1 «Общая характеристика именной дальневосточных метрических книг второй половины XIX века» дается общая характеристика личного имени как антропонимической категории. В исследуемом памятнике деловой письменности полностью отсутствуют некалендарные имена, которые еще встречались, например, в памятниках конца XVII–XVIII вв. Все личные имена, представленные в дальневосточных МК, – календарные. Проведенное исследование позволяет утверждать, что материалы отражают общую закономерность развития русской

антропонимии: постепенное снижение и последующее исчезновение употребления некалендарных имен, начавшееся после принятия на Руси христианства и закончившееся в различных регионах по-разному, но примерно в начале XVIII в.

Личные календарные имена употреблены в полной форме, качественные формы имен отсутствуют. Это связано с особенностью жанра МК, т. к. в официальном документе, удостоверяющем личность, не должно быть антропонимов с субъективно-оценочным значением, которое по отношению к каноническим формам имен является вторичным. Закрепление же полной календарной формы личного имени в качестве официальной юридической категории в метрических документах второй половины XIX в. продолжает общероссийскую тенденцию, возникшую в XVIII в. в первую очередь под влиянием лингвистических факторов (стремления к четкости и нейтральности фиксируемой информации) и экстралингвистических: реформ Петра I, которые закрепили официальные полные формы имен в документах, составлявшихся в столице. Однако на окраину царской России эта новая форма составления официальных документов дошла значительно позже. Даже в XIX в. в сибирских документах, по замечанию А. В. Суперанской, В. Д. Бондалетова, встречаются качественные формы личных календарных имен. Кроме того, вопрос о формировании официальной (литературной, светской, документальной) формы календарных личных имен тесно связан с вопросом о функционировании в русском, в частности дальневосточном, антропонимиконе середины XIX в. канонических и неканонических форм христианских личных имен, т. е. вариантов антропонимических единиц.

В разделе 3.2 «Типы антропонимических номинаций в метрических книгах Дальнего Востока» описываются основные типы антропонимических формул, а также типы антропонимических конкретизаторов.

В п. 3.2.1 «Типы антропонимических формул именованя» определяется круг терминов, которые используются при описании типов антропонимических номинаций. В рассматриваемый период в документах однокомпонентные модели составляли незначительное количество от всех именованя (~15%), т. к. не могли ясно идентифицировать личность именуемого из числа окружающих, с учетом высокой степени тезоименности. Среди взрослых представителей разных социальных групп однокомпонентные именованя не встречаются. Исключение составляют единичные однокомпонентные именованя священнослужителей, но, как правило, вместе с личным именем священника в документе имелось указание на его приход – данный антропонимический конкретизатор способствовал четкой идентификации именуемого: *Русской церкви настоятель Иеромонах Валеріанъ* (8, л. 49). Традиционно в МК однокомпонентная модель используется для именованя младенцев. Но данные именованя всегда сопровождалась дополнительной информацией об отце и матери или обстоятельствах появления (регистрации) данного младенца: <...> Михаиль

Подкинутый (безъ записи / неизвестнымъ лицомъ) въ семь часовъ утра, 18го числа ноября 1891 года къ квартирѣ капитана 3го В. С. линейнаго баталіона Александра Николаева Чугунова, которымъ и принять на воспитание <...> (8, л. 117). Однокомпонентные именованія также встречаются в тех случаях, когда называется лицо, идентификація котораго дана с помощью апеллятивных и антропонимических характеристик другаго человека: *Дочь Священника слѣдующаго на службу в станицу Иннокентіевску Сімеона Кокшарскаго младенецъ Ольга <...>* (16, л. 28 об.). Среди однокомпонентных именованій встречаются также антропонимы, состоящие только из фамильнаго компонента, но такие случаи единичны: *<...> Охотскаго Лекар. ученика Симакина <...>* (1, л. 12 об.).

Двухкомпонентные модели именованія представлены достаточно обширной группой (~35 %). Двухкомпонентные именованія зафиксированы у представителей всех сословій. Характерной чертой двухкомпонентных моделей МК является наличие личнаго имени и фамиліи в именованіи, т. е. отсутствие отчества, что говорит о недостаточной закреплённости данной антропонимической характеристики лица в деловой письменности второй половины XIX в. на Дальнем Востоке. Например: *Авѣтинскаго наслѣга Охотскаго округа умершаго Якута Константина Мохначевскаго дочь <...>* (1, л. 6 об.). Двухкомпонентные модели *личное имя + отчество* встречаются в развернутых формулах именованія женщин, например: *Старшій фельдшеръ Хабаровскаго Поставой команды Василій Николаевъ Шпак и законная жена его Александра Петрова <...>* (16, л. 1 об.). Единичными можем назвать примеры употребленія двухкомпонентной модели *личное имя + отчество*, использованной для именованія мужчин, например: *Сынъ Козака Амурскаго пѣшаго баталіона Станицы Нижне-Спаскаго Алексія Буркова Иванъ Алексеевъ <...>* (16, л. 19 об.). О становленіи модели именованія и в течение второй половины XIX в. на Дальнем Востоке свидѣтельствует фактъ параллельнаго употребленія двухкомпонентной и трехкомпонентной модели именованія относительно идентификаціи одного лица, например: *Россійско-Американскаго Компаніи Начальникъ Телеграфа Подполковникъ Сергей Абаона <...>*; *Россійско-Американскаго Компаніи Начальникъ Телеграфа Подполковникъ Сергей Яковлевъ Абаона <...>* (1, л. 7).

Трехкомпонентные модели именованія составляютъ примерно половину отъ всех именованій в дальневосточных МК. Данный тип именованія былъ закреплён формулярной характеристикой МК как документа официально-деловой письменности. Большая часть трехкомпонентных именованій является антропонимической характеристикой лицъ мужскаго пола, например: *<...> по невьстѣ козаки Феодоръ Меркурьевъ Загубаловъ и Топографъ Генеральнаго штаба Алексій Абрамовъ Шершневъ* (1а, л. 60). Внесловная характеристика модели именованія во второй половине XIX в. подчеркивается все болѣе частым употребленіем трехкомпонентной модели не только среди представителей разных сословій, но и для именованія женщин. В дальневосточных МК второй половины XIX в. находим

достаточное количество таких примеров (причем сословная характеристика лица женского пола также является различной), например: <...> *козачья дочь тогоже баталіона дѣвка Евдокія Миронова Бунакова* (16, л. 2);

В п. 3.2.2 «Типы антропонимических конкретизаторов в составе формулы именованія» характеризуется апеллятивная лексика, выполняющая роль антропонимических конкретизаторов, которые дополняют однокомпонентные, двухкомпонентные, трехкомпонентные формулы именованія в составе развернутых формул именованія, а также позволяют точнее классифицировать именованіе денотата. Антропонимические конкретизаторы в МК имеют факультативный характер, т. к. формуляр данного типа официально-делового документа не требовал столь подробной характеристики лица. Выявлено 13 основных типов антропонимических конкретизаторов: 1) указание прямых потомственно-наследственных отношений; 2) указание на принадлежность к семейному коллективу; 3) указание правового статуса женщин; 4) юридическая зависимость от других лиц; 5) указание на место жительства: а) конструкция с опорным словом «уроженец»; б) топоним в форме родительного падежа – является довольно распространенной вторичной характеристикой лица в МК второй половины XIX в.; в) топонимическое определение лица по социальному статусу или должности; г) указание на принадлежность к церковному приходу; б) указание на социальный статус лица; 7) указание на военное звание, чин лица; 8) указание на принадлежность к военному коллективу; 9) название социального положения, связанного с институтами церкви; 10) указание на профессию именуемого лица; 11) указание на должность или чин именуемого лица; 12) указание на принадлежность к вере; 13) этнонимы.

В разделе 3.3 «Личное имя в антропонимиконе Дальнего Востока по данным метрических книг» анализируется антропонимический фонд, представленный в МК.

В п. 3.3.1 «Формы личного имени в дальневосточных метрических книгах» определяется наполнение терминов *церковное имя, календарное имя, крестильное имя*. В настоящей работе используется термин *календарное имя*, как наиболее полно отражающий, на наш взгляд, суть ономастических единиц, представленных в дальневосточных МК. Также в исследовании различаются понятия *форма имени* и *вариант имени* – мы отдаем предпочтение термину *вариант имени*: фонетический и морфологический. Несловообразовательные способы (фонетико-морфологические) образования номинативных вариантов характеризуют календарные имена. Почти половина календарных имен – 91, или 42 %, мужских имен и 29, или 44 %, женских имен были подвергнуты каким-либо фонетико-морфологическим изменениям. Фонетико-морфологические изменения в составе личных имен, зафиксированные на страницах дальневосточных МК второй половины XIX в., отражают завершающий этап развития русского антропонимикона.

В п. 3.3.2 «Фонетические варианты личных календарных имен в дальневосточных метрических книгах» и в п. 3.3.3. «Морфологические

изменения личных календарных имен в дальневосточных метрических книгах» выявляются особенности личных календарных имен, зафиксированных в МК Дальнего Востока, по их отношению к каноническим формам. Исследованный антропонимический фонд свидетельствует о возможности образования вариантов полных личных имен вследствие фонетических, морфологических или комбинаторных изменений, которые произошли в живом разговорном языке. Однако в официальной номенклатуре все еще сохраняется традиционное написание календарных личных имен, что свидетельствует об обособлении языка деловой письменности. Материал МК свидетельствует прежде всего об отрыве официально узаконенных форм церковных имен от народно-бытовых. Перед нами живой процесс развития ономастических единиц в XIX в. на территории Дальнего Востока: отделение церковью канонических имен от народных, изменение звукового облика антропонимов, начало стилистической дифференциации личного имени, когда многие канонические формы имени были переосмыслены как принадлежащие к высокому стилю.

В разделе 3.4 «Развитие отчества в антропонимиконе Дальнего Востока по данным метрических книг» рассматривается отчество с точки зрения особенностей развития данной антропонимической категории на Дальнем Востоке в середине XIX в. Антропонимический материал дальневосточных МК свидетельствует о том, что в официальных моделях именования существует сформировавшаяся в определенной степени антропонимическая категория *отчество*. Норма употребления так называемых полуотчеств в документах данного типа была обязательной. Отчества в дальневосточных МК оформлены суффиксами *-ов/-ев-, -ин/-ын-,* суффиксы *-ович/-евич-* редко употреблялись в данном типе документа. Создание отчеств преимущественно на базе календарных имен свидетельствует о развитии и об окончательном закреплении категории *календарное личное имя* в русском языке. МК указывают и на такую особенность развития русской антропонимической системы, как разграничение формантов отчества. Данная дифференциация говорит о специфическом словном разграничении формантов, а также о традиции ведения определенного типа документа второй половины XIX в.

В разделе 3.5 «Структурно-грамматическое описание фамилий по данным дальневосточных метрических книг» рассматриваются фамилии Дальнего Востока середины XIX в. Дальневосточные фамилии имели общерусские структурные характеристики. Фамилия – это уже вполне сложившаяся антропонимическая категория для второй половины XIX в. Данный антропонимический компонент именования присутствует в большинстве именовании в МК. Структурная характеристика фамилий показывает и подтверждает общерусские тенденции развития и функционирования в документном жанре фамильных антропонимов, кроме того, структурный анализ фамилий может служить дополнительной

характеристикой для анализа диалектного состава населения Дальнего Востока второй половины XIX в.

В четвертой главе «Дальневосточные метрические книги как источник изучения апеллятивной лексики» анализируется апеллятивная лексика. Лексическая содержательность МК определена жанровой структурой текста и во многом зависит от содержания формуляра метрических записей. Помимо ономастической лексики МК содержат достаточно обширный пласт апеллятивной лексики. МК Дальнего Востока включают лексику различных тематических групп, среди которых выделяем несколько ведущих: административно-территориальная терминология, социальная характеристика лица (в состав данной группы включаем номинации по роду деятельности, профессии, а также военные звания и чины), термины родства, наименование болезни, наименование обстоятельств смерти лица; несколькими лексемами представлена юридическая терминология. В состав представленных тематических групп входят как отдельные лексемы, так и словосочетания (атрибутивные, а также включающие топонимическое определение). Материалы МК отражают особенности становления общерусской системы делопроизводства и развития терминологического пласта литературного языка второй половины XIX в. В составе тематических групп практически не встречается регионально закрепленных лексем, что свидетельствует о стремлении к упорядоченности системы делопроизводства. В целом состав тематических групп полностью отражает назначение МК как делового документа и помогает более полно охарактеризовать регистрируемое лицо с точки зрения социально-сословной принадлежности.

В заключении подводятся итоги исследования. Проведенное исследование дальневосточных МК второй половины XIX в. с точки зрения их лингвистической содержательности позволяет говорить о том, что данный памятник представляет ценный источник для изучения становления русского официально-делового документа второй половины XIX в.

Анализ текстов МК показывает, что деловая письменность не является статичной системой и на разных этапах подвергалась изменениям. Постепенно определялась жанровая специфика документа, особенности ведения МК. Особую ценность представляет рассмотрение вопроса о лингвистической содержательности дальневосточных МК, которая характеризуется прежде всего наличием большого фонда антропонимической лексики. Это дало возможность выявить, что процесс освоения русского канонического именника в его региональном варианте в середине XIX в. не имел еще определенной законченности, находился в стадии формирования и развития кодифицированных форм антропонимов. В целом можем отметить, что изучение материалов дальневосточных МК дополняет сведения о развитии русского документа, а также русской антропонимики и лексики во второй половине XIX в. Исследование является перспективным с точки зрения лингвоисторического и лингвокультурного аспектов, с точки

зрения определения места данного памятника письменности в ряду подобных на территории русского государства, а также может быть интересным изучение особенностей дальневосточного именника во второй половине XIX в. Кроме того, фонд фамилий, по данным МК, представляет ценный источник для изучения антропонимической и апеллятивной лексики в перспективе создания регионального словаря.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Метрическая книга как исторический документ // Русская речь. – 2007, № 4 – С. 89–92 [0,2 п. л.].

В других изданиях:

1. Лексические особенности дальневосточных метрических книг (по материалам государственного архива Хабаровского края) // Русские народные говоры: история и современность : сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию диалектологической работы в Арзамасском государственном педагогическом институте (Арзамас, 6–8 октября, 2005) – Арзамас : АГПИ, 2005. – С. 199–203 [0,3 п. л.].

2. Лингвистическая информативность дальневосточных метрических книг второй половины XIX века // Актуальные проблемы русского языка : сборник статей по материалам региональной конференции, посвященной 70-летию ЧГПУ. – Челябинск, 2005. – С. 231–235 [0,3 п. л.].

3. Структурно-типологические особенности метрических книг второй половины XIX века (по материалам государственного архива Хабаровского края) : сборник статей молодых ученых – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2005. – С. 110–114 [0,3 п. л.].

4. Особенности антропонимии дальневосточных метрических книг второй половины XIX века // Российский лингвистический ежегодник. – 2006. – Вып. 1 (8) : научное издание. – Красноярск, 2006. – С. 101–105 [0,4 п. л.].

5. Вариативность личных календарных имен второй половины XIX века: фонетический аспект (по материалам дальневосточных метрических книг) // Наука – Хабаровскому краю : материалы VIII краев. конкурса молодых учен. и аспирантов. – Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2006. – С. 156–164 [0,5 п. л.].

6. Структурные особенности дальневосточных фамилий (по данным метрических книг второй половины XIX в.) // Русский язык в современном мире : материалы заочной всероссийской научно-практической конференции. – Биробиджан : Изд-во ГОУ ВПО «Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия», 2011. – С. 104–108 [0,3 п. л.].

102

Горелова Ольга Владимировна

Дальневосточные метрические книги
второй половины XIX века как лингвистический источник

Автореферат

Подписано в печать 31.01.2012.

Бумага для множительных аппаратов.

Гарнитура Times New Roman. Печать RISO. Объем 1,5 п. л.

Тираж 120 экз.

Заказ № 5

Издательство Дальневосточного государственного
гуманитарного университета

680000, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68

Отдел оперативной печати Дальневосточного государственного гуманитарного
университета

680000, г. Хабаровск, ул. Лермонтова, 50